

ISSN 0205-9592

Том 26, Номер 5

Сентябрь - Октябрь 2005

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

журналу 25 лет

<http://www.maik.ru>

“НАУКА”

ЖИЗНЕННЫЙ ОПЫТ И ВЫБОР СПЕЦИАЛИЗАЦИИ В ПСИХОТЕРАПИИ

© 2005 г. А. В. Махнач

Кандидат психологических наук, старший научный сотрудник ИП РАН, Москва

Дается краткий обзор личностных качеств психотерапевта; проанализировано влияние событий в родительской семье будущего психотерапевта на выбор специализации. Показано, что такой выбор связан с социальными навыками, приобретенными в детстве, и сформированными чертами личности; жизненные события будущего психотерапевта имеют не только объективное значение, но и субъективный личностный смысл. Выявлены различия в отношениях к событиям в истории семьи, а также к матери и отцу в группах будущих психоаналитиков и семейных психотерапевтов.

Ключевые слова: психотерапия, родительская семья, жизненные события, специализация в психотерапии, личность психотерапевта.

Известно, что личность психотерапевта, ее качества играют решающую роль в процессе психотерапии. Каждое направление психотерапии предполагает свою модель взаимодействия терапевта с клиентом и, как следствие, выдвигает свои требования к личностным качествам психотерапевта. Например, в гуманистической семейной психотерапии клиент во многом самостоятельно определяет круг проблем, которые он хотел бы обсудить, а терапевт создает лишь необходимые для этого условия и обеспечивает поддержку извне. Терапевт занимает позицию равноправного собеседника, в которой стремление занять лидирующее положение крайне нежелательно. В психоанализе, напротив, отношения строятся по принципу “учитель-ученик”.

Выбор специализации в психотерапии в некотором смысле связан с социальными навыками, приобретенными в детстве и сформированными тогда же чертами личности. Психотерапевты, выбравшие гуманистический подход как основу своей профессиональной деятельности, имеют больший жизненный опыт ощущения себя лидером. Будущие же психоаналитики отмечают в себе более выраженный опыт переживания одиночества, невключенности в группу сверстников. Все это позволяет поставить вопрос о необходимости изучения качеств, которые будут способствовать или препятствовать эффективной работе будущего психотерапевта.

В зарубежной психологии и психотерапии описанию личности специалиста посвящены многие исследования. Личность психолога-консультанта рассматривается почти во всех теоретических системах как важнейшее и необходимое условие профессиональной деятельности. Влияние лично-

стных характеристик и событий из жизни родительской семьи будущих психотерапевтов на их практику консультирования достаточно давно исследуется с позиций психоанализа. “Личностные характеристики психотерапевта” как ключевое понятие имеет достаточно большое количество ссылок в предметном указателе “Psychological Abstracts”. И значительно меньше ссылок на статьи, в которых отражены исследования влияния событий в родительской семье на личностные свойства и выбор профессии будущим психотерапевтом. Большинство серьезных научных исследований, посвященных личностным характеристикам психотерапевтов, проводились для подтверждения связи их теоретической ориентации с происходившим в детстве в их семье. Некоторые авторы обеспокоены тем, что будущие психотерапевты чаще, чем в среднем по другим выборкам, страдают от недостатков, свойственных нарциссической личности. Психотерапия как профессия, предполагающая образование межличностного контакта с другим человеком, сложна для личности с преобладанием нарциссических черт [12, 30].

Авторы различных психотерапевтических концепций (А. Адлер, К. Уитакер, Р. Мэй, К. Роджерс, В. Сатир, Дж. Морено и др.) выделяют разные качества личности психотерапевта, влияющие на эффективность оказания терапевтической помощи. Эти качества объединяются в компоненты и поэтому модели такого рода называются “компонентными”. Вторая группа моделей – “эффективного психолога” структурные модели, которые предполагают выделение подструктур индивидуальности, влияющих на эффективность деятельности специалиста. Третья группа – “динамические модели”, в которых психологическая

деятельность рассматривается как элемент инфра- или суперсистемы. Последняя группа – “прогностические модели” специальных способностей. Основные компоненты (качества личности) выводятся из матриц корреляции показателей выраженности базисных свойств личности и индексов (критериев) эффективности психологического воздействия [4]. Анализ факторных структур интегральной индивидуальности выявил следующие отличия: в структуре с несоответствием предпочтений деятельности основной факторный вес падает на нейро- и психодинамические свойства, которые играют важную роль на ранних этапах овладения деятельностью. В структуре с соответствием их профессиональным предпочтениям наибольшие факторные нагрузки несут личностные свойства, выступающие в качестве основных регуляторов деятельности. Наряду с представленными в структуре индивидуальности психолога нейродинамическими и психодинамическими свойствами, присутствуют такие личностные качества, как открытость, жизнерадостность, стрессоустойчивость, профессиональная нормативность, пронизательность, склонность к эксперименту, которые многими исследователями выделяются как профессионально значимые (Н.А. Аминов, М.В. Молоканов, Н.В. Бачманова, Н.А. Стафурина). В структуре индивидуальности психолога при несоответствии предпочтений деятельности имеется группа индивидуальных свойств, отражающих эмоциональную нестабильность и напряженность. Вероятно, наличие данных свойств обусловлено узостью зоны неопределенности деятельности, жесткостью требований, несоответствием деятельности некоторым индивидуальным свойствам психолога [8]. Исследование различий психологических особенностей психотерапевтов разных теоретических направлений показало, что работающие в русле психодинамического подхода сложнее и серьезнее в сравнении с работающими в русле рационально-эмотивного подхода. Также было установлено, что последние более рациональны, чем психотерапевты-эклектики. Специалисты, применяющие бихевиоральные методы, обладают невысокой интуицией, а психотерапевты, практикующие психодинамический подход – сложные личности с развитой интуицией [33]. При изучении взаимосвязи выбора теоретической ориентации (поведенческой, психодинамической, гуманистической) и свойств личности было выявлено, что психотерапевты гуманистического подхода отличаются от коллег поведенческого подхода большей выраженностью таких черт личности, как гибкость, принятие агрессии другого, сензитивность к своим чувствам и развитость внутреннего мира. Гуманистическим психотерапевтам свойственна большая внутренняя организованность, они обладают самоактуализирующимися ценностями и способны выразить

эмоции в динамике. Характеристики поведенческих терапевтов во многом сходны с гуманистическими; но спецификой можно считать относительно ограниченную гибкость, принятие своих чувств и способность к развитию отношений последних [32].

Родительская семья является предпосылкой становления личностных и профессиональных особенностей будущего психотерапевта. Личные ценности и жизненная философия, события собственной жизни играют не меньшую роль, чем клинический опыт терапевта и полученное им образование. Влияние пяти переменных (клинический опыт, ценности, базовое образование, дополнительное образование, жизненный опыт) на выбор теоретической ориентации психотерапевта примерно одинаково [24]. Среди событий семейной истории, воздействующих на выбор профессии психотерапевта, называют: дисфункциональные паттерны отношений, разводы, повторные браки, конфликты, болезни, отношения между сиблингами и сиблинговые позиции, аддиктивное поведение, потери близких, суициды, нелады с законом, насилие и др. В исследовании, проведенном на группе, состоящей из 339 лицензированных профессиональных психологов, специализирующихся в области клинической психологии или школьного консультирования и имеющих практику не менее десяти лет, респондентам было предложено оценить наиболее важные факторы, связанные с успешным профессиональным функционированием. Было установлено, что для большинства из них родные семьи являются источником формирования личных ценностей, лежащих в основе стандартов жизни. По их мнению, в процессе профессиональной деятельности учеба, получение академических званий не помогали им защищаться от жизненных стрессовых ситуаций; они испытывали разные чувства, любовь и отвержение; должны были принять социальные изменения в своей семейной жизни и т.д. Было выделено несколько факторов, способствующих успешному профессиональному функционированию (в порядке убывания): поддержка коллег, стабильные личные отношения с супругом (семьей, друзьями), возможность получения супервизии, сбалансированная личная жизнь, принадлежность к профессиональной организации, прохождение личной психотерапии, возможность получения дополнительного обучения, цена профессионального выгорания, наличие механизмов совладания со стрессом [14].

Все жизненные события, представляющие интерес для исследования, имеют не только объективное значение, но и субъективный личностный смысл, расшифровка которого требует специальных методов анализа, например, биографического метода. Согласно методологии этого подхода, ни одно жизненное событие не может быть поня-

то без соотнесения его с рядом признаков, среди которых личностный смысл события играет для субъекта определяющую роль. Субъективная оценка последовательности многих жизненных событий семейной истории зависит от формирующихся у человека установок. В профессии психотерапевта особенно важна роль его личности, поскольку она нередко связана с влиянием на установки и жизненные позиции другого человека. Каким будет это влияние и, соответственно, успех терапии, как будет складываться жизнь клиента (личная, профессиональная, общественная), зависит от зрелости профессиональной позиции самого терапевта. Но из-за отсутствия строгих критериев отбора терапевтами часто становятся люди, не обладающие этически выверенной профессиональной позицией. Важность этой проблемы и ее значимость в подготовке психотерапевта была отражена в специальном номере журнала "Psychotherapy: Theory, Research and Practice" (тема номера: теория и личность психотерапевта) за 1978 год, с тех пор в зарубежной литературе этой научной проблеме посвящено много исследований [11, 15, 23, 31]. В отечественных публикациях эта тема отражена в сравнительно небольшом их количестве. На соотношение профессиональных знаний и умений консультанта и его личности как средства психологического воздействия на клиента указывалось неоднократно в [1, 3, 4]. Так, в статье Т.В. Власовой ставится вопрос о влиянии личности ("человеческого") на профессиональный рост психотерапевта. Психолог, работая с клиентом, соединяет в себе две важнейшие ипостаси – человека и профессионала. Человеческое в психологе представляет собой, по мнению автора, глубоко укорененную сторону его личности, влияние которой на профессиональные качества слишком велико. Только познавший свою собственную человечность способен увидеть ее в другом и озаботиться ею [1]. Вместо извечного вопроса "Что поможет?" некоторые исследователи в последние годы все больше и больше задаются вопросом "Кто поможет?", а это означает, что личность терапевта – основана всего процесса лечения. Она становится решающим фактором успеха, возможности добиться необходимых результатов лечения [2]. Психолог-консультант становится для клиента моделью психологически здоровой личности и ему важны искренность (конгруэнтность) консультанта, наличие у него определенных личностных характеристик [3].

МЕТОДИКА

Целью исследования было изучение влияния событий жизненной истории будущих психотерапевтов на выбор профессиональной ориентации в будущей работе. Гипотеза состояла в следующем: будущие психотерапевты выбирают специа-

лизацию в зависимости от субъективного восприятия роли отца (матери), событий в детстве в родительской семье. Для проверки этой гипотезы с будущими психотерапевтами было проведено стандартизированное интервью, им были заданы вопросы, позволяющие оценить влияние этих событий на выбор специализации в психотерапии. Затем были проанализированы ответы респондентов на следующие вопросы:

- Когда вы были школьницей(ком) и общались со своими друзьями, кем вы обычно были в играх: лидером, независимым, одиноким, защитником младших?
- Как запомнилась Вам мать, когда Вы были маленькой(им)?
- Как запомнился Вам отец, когда Вы были маленькой(им)?
- На кого из родителей вы больше похожи? Какими чертами характера?

Все ответы были распределены на три варианта: положительный, отрицательный и нейтральный и отнесены к следующим категориям: 1. оценка внешних (в) характеристик родителей; 2. оценка личностных (л) характеристик родителей; 3. эмоционально окрашенная (э) оценка характеристик родителей; 4. оценка действий (д) в адрес респондента.

К положительным были отнесены следующие характеристики: "красивая" (в), "веселая" (л), "теплая" (э), "приносил радости" (д). К отрицательным: "считала маму некрасивой" (в), "эгоистка" (л), "строгая" (э), "руководить любила" (д).

В ходе интервью была создана такая атмосфера беседы, в которой будущие психотерапевты могли говорить открыто, а интервьюер сумел получить нужную для дальнейшего анализа информацию. В записях фиксировалось не только содержание интервью, но и те важные элементы устного общения (например, эмоциональные оценки отца или матери), которые впоследствии были выделены в категорию ответов: "эмоционально окрашенная (э) оценка характеристик родителей". Эта категория способствовала получению достоверной информации о событиях жизненной истории будущего психотерапевта и анализа его ответов.

Для проведения исследования были выбраны две группы испытуемых, обучающихся по программе детского и семейного психологического консультирования в Институте психологии и психотерапии (группа ИПП, n = 23) и по программе обучению психоанализу в Институте психоанализа (группа ИП, n = 17). Средний возраст респондентов в группе ИПП – 35,8, стандартное отклонение по выборке равно 8,5; в группе ИП – 24,0, стандартное отклонение по выборке равно 5,3; в обеих группах выборку составляли женщины.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

В начале интервью всем испытуемым был задан вопрос: “Когда вы были школьницей (ком) и общались со своими друзьями, кем вы обычно были в играх: лидером, независимым, одиноким, защитником младших?” 73% респондентов группы ИПП отметили в себе лидерские качества, оценивая себя так: “была лидером”, “однозначно, безусловно лидером”, “несомненно лидером”, “никогда не была ведомой”, “независима, всегда лидер – формальный и неформальный”.

На рис. 1. показаны субъективные оценки черт личности: стремление к лидерству, независимость в группе ИПП и группе ИП. Стремление к лидерству как черта личности иногда понималась респондентами как независимость (“независима”, “часто откалывалась от группы”, “никогда не была ведомой”, “не принимала чужого мнения”). Лидерство проявлялось в организациях сверстников (“была председателем совета дружины”, “комсомольский вожак”, “в играх, что-то организовать для других”). Меньшая часть группы – 23.1% ответов – так характеризует себя в детстве: – “не пользовалась уважением”, “не могла себя защитить”, “трудно входила в коллектив”, “серая мышка”, “лидером быть не нравилось”, “одинокая, стеснительная”. В группе ИП лидером считают себя 35.3% респондентов (рис. 1). Следующие ответы респондентов были нами соотнесены со стремлением к лидерству: “была лидером”, “была защитницей слабых и обиженных”, “у меня были главные роли в играх”, “я была и лидером, и защитником”. Наибольшая часть группы ИП (58.8%) отмечает в себе черты независимости: “точно не лидером”, “скорее независимой”, “независимой, я придумывала что-то новое и все переключалась со своей игры на мою” (см. рис. 1). Всего 5.9% респондентов группы ИП не видят у себя лидерских качеств. По-видимому, это связано с моделью активности, воспринятой от родителей (в зависимости от соотношения своего опыта с воспоминаниями о матери или отце и их активности/лидерству в семье соответственно).

Активность человека определяется задачами саморегуляции и связана с разными компонентами субъективного опыта. Человек намечает цели, так или иначе представленные в сознании, формирует умения саморегуляции деятельности, ориентированной на достижение целей, обращается к субъектному опыту, имеющему компонентную структуру и во взаимодействии с миром обеспечивающую активную, осознанную, целенаправленную, умелую и координированную с усилиями других людей свою позицию [7]. Терапевты гораздо чаще и эффективнее, чем респонденты случайной выборки, в целом используют больше разных стратегий совладания со стрессом, т.е. имеют более выраженную активную по-

Рис. 1.

зицию, чем непсихотерапевты [25]. По мнению А. Миллер, определенный тип отношений с родителями предполагает развитие соответствующего поведения у детей; от последних ожидалась большая активность и ответственность, они должны были интуитивно чувствовать, что от них требуется [5, с. 18].

Испытуемым также были заданы два открытых вопроса: “Как запомнилась Вам мать, когда Вы были маленькой(им)?”, “Как запомнился Вам отец, когда Вы были маленькой(им)?”.

В группе ИПП 30.4% респондентов отмечают следующие характеристики мамы: строгая, властная, жесткая. Данные характеристики мы относим к эмоционально отрицательным, хотя у половины респондентов эти оценки приводятся вместе с диаметрально противоположными: строгая, справедливая, но заботящаяся; строгая, но родная и заботящаяся; властная, но щедрая; строгая, но дома мягкая.

Было показано, что чем более широкий спектр чувств и эмпатии показывают друг другу в родительской семье, тем чаще будущий психолог будет придерживаться объективных подходов в теории. Чем более закрытой будет родительская семья, тем субъективнее психолог в выборе своей теоретической ориентации, предпочитая те теории, которые помогут ему самому понять некоторые особенности отношений в родительской семье. Если члены семьи сдержанны в проявлении своих чувств, то причину происходящего предпочитают чаще внутренним, чем внешним источникам. В исследовании была сделана попытка подтвердить идею: проблемы родительской семьи психотерапевта могут значительно влиять на выбор им терапевтических интервенций и на то, какую теоретическую ориентацию он выбирает [22].

Отчетливо негативные оценки матери дают 17.4% респондентов, характеризуя эмоциональный опыт взаимодействия с матерью так: “Эмоционального контакта не было никогда, нет и сейчас”; “Тиран в доме, эгоист, жесткая, навязывала свое мнение”; “Близкими людьми не были”, “считала маму некрасивой”. Нейтральные оценки, составляющие 47.8% ответов (“взрослая”, “не

Таблица 1. Оценка внешних (в), личностных (л), эмоционально окрашенная оценка (э) характеристик родителей и действий (д) в адрес респондента в группе ИПП ($n = 23$) (в %)

Оценка	Положительная		Нейтральная		Отрицательная	
	матери	отца	матери	отца	матери	отца
Внешние характеристики (в)	52.2	26.1	43.5	73.9	4.4	0.0
Личностные характеристики (л)	43.5	39.1	52.2	52.2	4.4	8.7
Эмоционально окрашенная оценка (э) родителей	34.8	56.5	47.8	21.7	17.4	21.7
Действия (д) в адрес респондента	17.4	34.8	73.9	60.9	8.7	4.4

помню – много работала”, “в 8 часов утра уходившая на работу”), плюс негативные дают 65.2% ответов в оценке эмоционального опыта взаимодействия с матерью (см. табл. 1). Вызывает тревогу тот факт, что по воспоминаниям более половины будущих семейных психотерапевтов группы ИПП не имеют позитивного эмоционального опыта детско-родительских отношений. С другой стороны, наиболее часто встречающаяся положительная характеристика матери связана с оценкой внешности – красивая: 52.2% респондентов отмечает в ней эту черту.

Racusin, Abramovitz, Winter сообщают, что в 100% выборки психотерапевтов некоторые члены семей имеют физические недостатки, внешнюю непривлекательность или поведенческие проблемы, связанные с психогенетическими факторами [29]. Алкоголизм, насилие в детстве и/или то и другое вместе присутствовали в 50% семей психотерапевтов [там же].

На рис. 2 отмечены оценка внешних (в), личностных (л) характеристик родителей; эмоционально окрашенная (э) оценка и оценка действий в адрес респондента матери (м) и отца (о) в группе ИПП. Сравнивая эмоциональную оценку отца и матери, отметим больший разброс оценок отца: 56.5% респондентов оценивает отца положитель-

но и 21.7 – отрицательно, в то время как мать положительно оценивают 34.8% и отрицательно – 17% респондентов (рис. 2). Как видно из результатов, количество нейтральных оценок матери более чем в два раза превышает такие же оценки отца. Другими словами, эмоциональные оценки отца (и положительные, и отрицательные) более выражены, оценки матери в основном нейтральные (47.8% ответов). Действия матери, направленные в адрес респондента, только 17.4% оценивают положительно, в основном отмечая заботу: “заботливая”, “заботящаяся”, “учила читать”, “весь дом на ней”. “В детстве порола” – это пример отрицательной оценки действий матери; подобных ответов в выборке – 8.7%. В основном действия матери, направленные в адрес респондента, оцениваются нейтрально: 73.9% ответов, что отличается от оценок действий отца (60.9% ответов).

По сравнению с оценкой матери, респонденты, оценивая отца, чаще всего отмечают такого рода действия, направленные в их адрес: “приносил сладости, разыгрывал с конфетами”; его вовлеченность в интересы ребенка: “забирал меня из сада”, “больше интересовался делами меня как дочери”, “отдых, развлечения – с ним”. Практически в два раза чаще по сравнению с матерью при-

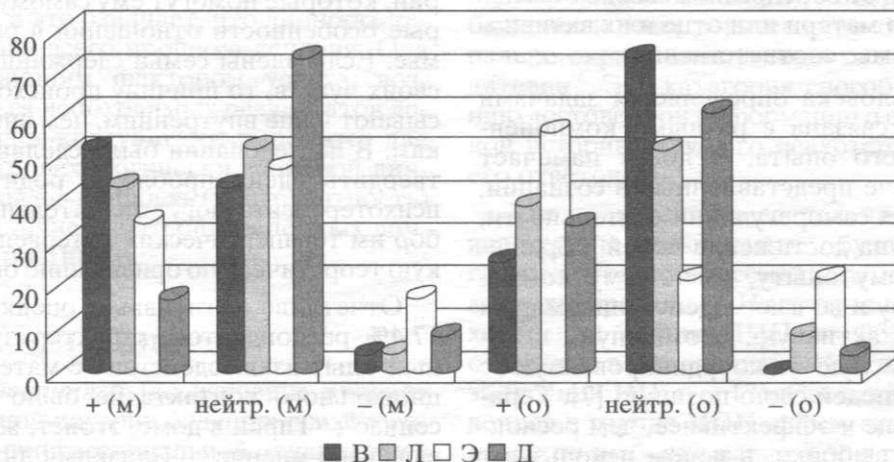

Рис. 2.

водятся действия отца, оцениваемые респондентами положительно (34.8% и 17.4%) – см. рис 2.

Особенно выделяется тема общения с отцом: “было счастье общаться”; “с папой друзья, если улыбнулся, все сразу прошло”; “было весело, интересно с ним, он много знает”; “Веселый, компанейский”; “много разыгрывал” – таких ответов 34.8%. Оценивая общение с матерью, респонденты отмечают: “постоянная опека”, “забота”, “навязывала свое мнение”. В адрес отца высказываются несколько “претензий”, звучащих несколько свысока: “пассивный”, “добрый, но ленивый”, “прощала все его слабости”, “не замечала, что он лысый”; в адрес матери подобного рода высказываний нет, но есть оценка ее качеств (личностных, эмоциональных), которая, как правило, звучит с позиции равной: “я не замечала ее внешний недостаток”, “считала маму некрасивой”, “близкими людьми не были”. В этих оценках звучит позиция более взрослого человека, критическая в адрес матери и снисходительная в адрес отца. В подобных оценках роли отца в воспитании будущих терапевтов просматривается патерналистская позиция последних.

Racusin, Abramovitz, Winter сообщают, что около половины психотерапевтов определили свою роль в семье как воспитателя для младших, старших братьев и сестер, а иногда даже родителей [29]. А. Миллер считает, что определенный тип отношений с родителями накладывал отпечаток на дальнейшую судьбу человека, побуждая его выбрать профессию, связанную с оказанием помощи другим людям. Основные признаки отношений с родителями у будущих психотерапевтов, выделенные ею, следующие:

- у таких людей в детстве была эмоционально неуравновешенная мать, склонная к авторитарному стилю поведения

- дети таких родителей интуитивно чувствуют, что от них требуется определенный тип поведения

- дети чувствуют, что в них нуждаются, они становятся не только утешителями, советчиками, но и берут на себя ответственность за своих братьев и сестер [5, с. 18].

По мнению А. Миллер, восприимчивость психотерапевта, его способность проникнуть во внутренний мир другого человека, его непомерная “оснащенность” своеобразными “антеннами” свидетельствует о том, что еще в детстве он был объектом, который родители и воспитатели использовали в своих целях, что часто отрицательно сказывалось на развитии ребенка [там же, с. 29].

Характеризуя внешность отца, респонденты отмечают, прежде всего, открытость, веселость, красивым называют его только 26.1%, в то время как внешние характеристики матери оценивают положительно 52.2% респондентов. Несмотря на

большое количество позитивных воспоминаний, связанных с отцом (“папа – как очень надежная спина”, “с папой друзья, с ним мы ближе”, “помню всегда красивым и уезжающим”, “если улыбался, то все прошло ему”); многими респондентами вспоминаются и конфликтные ситуации и разочарования, связанные с ним: “одни минусы, помню плеткой отстегал”, “проблемные отношения в детстве”, “заставлял заниматься – отсюда конфликты”, “ссорились, не думаю, что его любила”, “папа – деятельный коммунист, очень занятой”. Количество событий, запомнившихся респондентам (положительно и негативно оцениваемых) и связанных с отцом, значительно превосходят происшедшие с участием матери. Как правило, события, связанные с отцом, и их оценки амбивалентны, часто сочетаются с сильными чувствами, досадой и разочарованием. Также представляется интересным тот факт, что все негативные семейные случаи из детства вспоминались респондентами в связи с отцом, хотя касались не только его: “физическое насилие”, “мать и отец, живущие порознь”, “конфликты с отчимом”, “смерть отца”, “развод родителей”, “когда мне было 7 лет, родители разошлись”, “мать часто не жила с отцом”. В целом, в группе ИПП значительно чаще присутствуют в ретроспективном опыте события, связанные с семейной жизнью, детство насыщено более яркими случаями, окрашенными разными эмоциями.

В группе ИП число положительных оценок отца респондентами превалирует над оценками в адрес матери по всем выделенным нами параметрам. Соответственно, число нейтральных оценок в адрес отца по всем параметрам меньше, чем в адрес матери. Эта особенность ярко выражена в оценке респондентами личностных характеристик отца: положительно их оценивают 70.6% респондентов, что более чем в три раза превышает показатель эмоциональной оценки матери (23.5% ответов).

В группе ИП респонденты также вспоминают события, с которыми связан отец: “очень радовалась, когда он приходил домой”; “облик, голос, запах, как мы ходили с ним в лес”; “как он меня звал куда-то”; “очень много уделял мне внимания”; “помню, как забирал меня из больницы”; “помню его поступки, как он заступался за меня”; “помню сильные руки”, “он был добр ко мне”; “отец для меня и сейчас остается примером настоящего мужчины”.

Среди эмоциональных характеристик, связанных с отцом, помнятся: “добрый”, “справедливый”, “сейчас более строгий со мной, но такой же справедливый”, “спокойный”. Эмоционально окрашенные характеристики матери: “теплота, очень добрая”, “заботливая, любящая, чувствен-

Таблица 2. Оценка внешних, личностных, эмоционально окрашенная оценка характеристик родителей и действий в адрес респондента в группе ИП ($n = 17$) (в %)

Оценка	Положительная		Нейтральная		Отрицательная	
	матери	отца	матери	отца	матери	отца
Внешние (в) характеристики	41.27	64.7	52.9	35.3	5.9	0.0
Личностные (л) характеристики	23.5	70.6	76.5	23.5	0.0	0.0
Эмоционально окрашенная оценка (э) родителей	35.3	64.7	64.7	35.3	0.0	0.0
Действия (д) в адрес респондента	17.7	29.4	82.4	70.6	0.0	0.0

ная”, “мягкость, у нее всегда добрые глаза”, “Заботливая, 100% мама”.

Оценивая личностные характеристики матери, около половины респондентов (52.9%) группы ИП дают формальные ответы: “да, помню”, в большинстве их ответов нет описания и свидетельств чувственного опыта, отсутствуют эмоционально окрашенные события детства, крайне мало позитивно оцениваемых действий, направленных в адрес респондентов, единственное воспоминание: “прикосновения”. Воспоминания об отце: “очень многое”, “все самое лучшее”, “образ смутный, нечеткий” приводят всего 17.6% респондентов (табл. 2).

Были отмечены следующие различия в исследуемых группах. Характеризуя внешние качества матери, группа ИП не дает развернутых ответов, не выделяет ее внешние характеристики как позитивно значимые и запомнившиеся; напротив, группа ИПП в основном дает позитивную оценку внешним характеристикам матери. В сравнении с запомнившимся позитивным образом отца в группе ИП, группа ИПП невысоко оценивает внешность своих отцов.

Сравнивая внешность матери и отца, группа ИП отдает предпочтение отцу, количество позитивных оценок внешности отца в группе ИП более чем в два раза превышает количество позитивных оценок отца в группе ИПП. В свою очередь, группа ИПП отдает предпочтение матери.

На рис. 3 приведены ответы респондентов по внешним (в), личностным (л), эмоциональным (э) оценкам и оценке действий в адрес респондента со стороны матери (м) и отца (о) в группе ИП. Характеризуя внешность матери, немногие респонденты в группе ИП обращают внимание на ее красоту – 11.8%, а в группе ИПП – 43.5%; другие положительные внешние характеристики составляют 52.2% в группе ИПП и 35.3% в группе ИП.

Обеим группам будущих психотерапевтов был также задан вопрос: “На кого из родителей вы больше похожи? Какими чертами характера?”. Предполагалось, что респонденты будут отмечать в себе внешние, личностные, эмоциональные характеристики, подобные чертам одного из родителей (или обоим). Вопрос о сходстве с одним из родителей достаточно проективный; в ответах встречаются оценки внешности, личностных и эмоциональных характеристик родителей, в которых, по-видимому, отражается идентификация будущего психотерапевта с одним из родителей (или с обоими). R. Erskine отметил: “Мы изучаем бессознательную мотивацию терапевта посредством того, в какую особую терапевтическую позицию он становится. Очень важно задать себе вопрос: почему мы “специализируемся” на определенных клиентах и избегаем клиентов с другими характеристиками, почему мы предпочитаем одну из школ психотерапии. Иногда я обнаруживаю, что зрелый психотерапевт, с которым я раз-

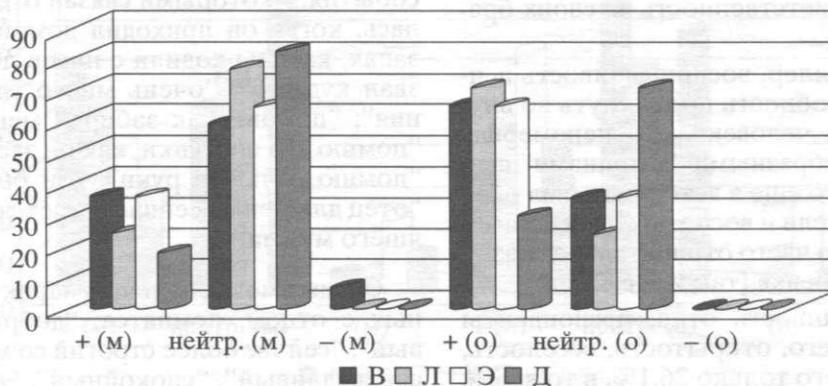

Рис. 3.

Таблица 3. Оценка сходства внешних, личностных, эмоциональных характеристик родителей в группе ИПП ($n = 23$) (в %)

Оценка характеристик родителей	Положительная		Нейтральная		Отрицательная	
	матери	отца	матери	отца	матери	отца
Внешних (в)	21.7	47.8	73.9	52.2	4.4	0.0
Личностных (л)	34.8	56.5	52.2	30.4	13.0	13.0
Эмоциональных (э)	30.4	60.9	60.9	30.4	8.7	8.7

Таблица 4. Оценка внешних, личностных, эмоциональных характеристик родителей в группе ИП ($n = 23$) (в %)

Оценка характеристик родителей	Положительная		Нейтральная		Отрицательная	
	матери	отца	матери	отца	матери	отца
Внешних (в)	26.7	53.3	73.3	46.7	0.0	0.0
Личностных (л)	46.7	53.3	53.3	46.7	0.0	0.0
Эмоциональных (э)	46.77	46.7	53.3	53.3	0.0	0.0

говариваю, выполняет когда-то взятые обязательства маленького мальчика или девочки по излечению депрессивной матери, спасению алкоголика-отца, брака его родителей. Эти мотивы часто не осознаны, и усиленные детские попытки повлиять как-то на жизнь семьи в детстве часто оказывают влияние на терапевтическую практику уже в зрелом возрасте терапевта» [19]. Влияние семейных событий на формирование личности будущего терапевта описано Ф. Дольто в воспоминаниях об отце, незначительно участвовавшем в психическом развитии дочери. Но у нее была мать, которая буквально поглотила дочь, сделав ее своим психотерапевтом [6].

В ответах на вопрос «На кого из родителей вы больше похожи? Какими чертами характера?» отмечается следующая картина субъективного восприятия сходства себя с отцом и / или матерью.

Группа ИПП гораздо чаще идентифицируется с внешними характеристиками отца (21.7% респондентов похожи на мать и 47.8% – на отца), личностными характеристиками (34.8% на мать и 56.5 – на отца), эмоциональными характеристиками (30.4% на мать и 60.9 респондентов – на отца) – см. табл. 3.

В группе ИП идентификация с отцом проходит по внешним и личностным характеристикам (26.7% респондентов похожи на мать и 53.3 – отца; 46.7% похожи на мать и 53.3 – на отца). Этот феномен связан с идентификацией будущих психотерапевтов с отцом, что более выражено в группе ИПП – см. табл. 4.

Позитивная оценка личностных характеристик отца в группе ИП почти в три раза превышает позитивные оценки матери и также почти в два раза оценки, данные группой ИПП своим отцам. В обеих группах оценка эмоциональных характе-

ристик отцов и матерей практически не отличается, однако важно отметить, что респонденты в обеих группах более высоко (положительная оценка) оценивают свою эмоциональную похожесть на отцов (в группе ИП – в два раза чаще), а не матерей.

Рис. 4 демонстрирует оценку (положительную, нейтральную, отрицательную) своего сходства с матерью (м), отцом (о) по внешним (в), личностным (л) и эмоциональным (э) характеристикам в группе ИПП. Отмечается, что группа ИП по эмоциональным характеристикам отца не дает нейтральных ответов: все они окрашены позитивными воспоминаниями, в группе ИПП 60.9% ответов нейтральны или формальны. В группе ИПП значительное количество отрицательно окрашенных оценок матери и отца, касающихся эмоциональности родителей; этот феномен не наблюдается в группе ИП.

На рис. 5 представлены оценки (положительная, нейтральная, отрицательная) своего сходства с матерью (м), отцом (о) по внешним (в), личностным (л) и эмоциональным (э) характеристикам в группе ИП. По всей видимости, в семьях студентов группы ИПП семейные конфликты и особые события были чаще, чем в семьях группы ИП. В группе ИП не отмечаются эмоционально окрашенные события, связанные с матерью. Мимо этого факта нельзя пройти, не пытаясь связать его с причинами выбора специализации в будущей профессии. Также интересно то обстоятельство, что в обеих группах отмечается большее количество положительных и направленных в сторону респондента действий со стороны отца, а не матери (в два раза больше в группе ИПП).

Это, по-видимому, косвенным образом определило выбор специализации в группе ИПП по семейной психотерапии. Не случайно, группа ИПП в оценках эмоциональных характеристик

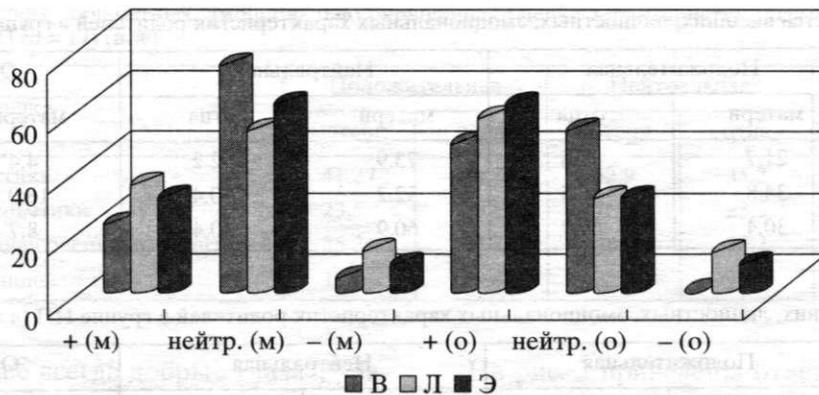

Рис. 4.

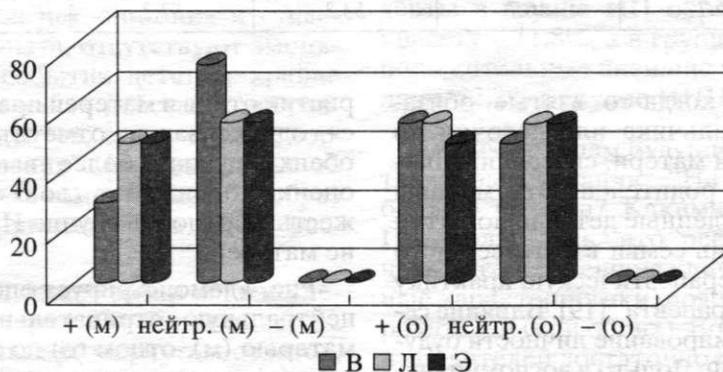

Рис. 5.

отцов и матерей приводит достаточно часто те события, которые могут быть отнесены к личным травмам: избиение плеткой, порка, отсутствие эмоциональной близости, тирания, навязывание силой чужого мнения, смерть отца, разводы, мать, не живущая с отцом и др. Травмы в жизни психологов и психотерапевтов являются наиболее важной областью исследования; ей посвящено много работ. Pore, Feldman-Summers обнаружили, что 33.1% психотерапевтов сообщают о сексуальном или физическом насилии в их детстве или подростковом возрасте, а 36.6% участников исследования – о некоторых формах насилия, происшедшего с ними уже во взрослом состоянии [26]. Однако эти данные не подтверждаются Elliott, Guy [18], изучавших качества профессионального функционирования и наличие психологической травмы в группе психотерапевтов. Эти исследователи обнаружили отсутствие различия в уровне психологического стресса в группе профессионалов, переживших насилие, и в группе, где насилие не отмечалось, но сообщают о статистически более часто встречающейся личной травме в историях жизни женщин-психотерапев-

тов по сравнению с женщинами других профессиональных групп [18].

Изучение воспоминаний детства специалистов помогающих профессий показывает, что психотерапевты-женщины очень часто воспитывались в дисфункциональных семьях и подвержены выраженному психологическому стрессу в их взрослой жизни. Показано, что психотерапевты (в сравнении с женщинами других профессий) сообщают о более высоком уровне физического и сексуального насилия, алкоголизма родителей, случаях госпитализации одного из родителей в психиатрическую больницу, смерти одного из членов семьи и о более выраженной семейной дисфункции. Психотерапевты меньше, чем другие работающие женщины, испытывают тревогу, депрессию, имеют диссоциативные расстройства, нарушения сна и разрывы межличностных отношений [18]. В нашей выборке 95.5% составляют женщины; соответственно, исследования Elliott, Guy могут быть соотнесены с нашими данными: в группе ИПП 30.4% респондентов сообщают о физическом и эмоциональном насилии в детстве, в группе ИП респонденты не отмечают таких случаев насилия. По данным Follette, Polusny, Milbeck

29,8% психотерапевтов имели в своем жизненном опыте физическое или сексуальное насилие в детстве [20]; наши данные по группе ИПП сопоставимы с этим исследованием. В работе Соап [13] было обнаружено, что психологи, которые сосредоточены на внутренних, биологических ресурсах и склонны к субъективному восприятию себя, часто имеют позитивные отношения со своими родителями; эти данные соотносимы с нашими о группе ИП, члены которой имеют более позитивные отношения с родителями и в своей будущей профессии ориентированы на внутренний мир. Один из психоаналитиков, говоря о влиянии жизненных событий на свою практику, заметил, что благодаря личному росту, опыту и возрасту он становится более естественным, спокойным и соответствующим собственному пониманию роли терапевта, и ставит перед собой в жизни и терапии более скромные и реалистические цели, последовательно формируя в себе терпимое отношение к событиям [17].

Если же специалист несет на себе груз незавершенных дел, связанных с его прошлыми и настоящими семейными взаимоотношениями, он должен понимать, что это может существенно влиять на восприятие ситуации в семьях его клиентов и определять его поведение в ходе психотерапии. Наши представления о семье нередко бывают препятствием для адекватной оценки внутрисемейной ситуации других. Психотерапевт не должен проецировать свои собственные ожидания, связанные с семейной жизнью, на семью клиента [9, с. 115–116]. Известно, что психотерапевты, ориентированные на сбор объективной и достоверной информации, были склонны к конфликтам с родителями, считая, что в детстве последние были слишком придирчивы к ним в своих требованиях [13]. Эти результаты соотносимы с данными по группе ИПП: в обучении будущих семейных терапевтов делается акцент на формировании навыков объективного восприятия ситуации в семье.

В другом исследовании сообщается, что в течение трех предшествующих исследованию лет 74% психотерапевтов испытывало стресс, включающий в себя неприятности на работе (33), болезнь (15), болезнь близких (23), семейные проблемы (20), финансовые проблемы (16) [21]. При сравнении двух групп, психотерапевтов и случайной выборке непсихотерапевтов было обнаружено, что 82% первой группы и 89 второй имеют хотя бы одну причину для переживания стресса в их взрослой жизни: депрессию, проблемы со здоровьем, низкую самооценку, беспомощность. По данным этого исследования, терапевты гораздо чаще и эффективнее, чем люди из случайной выборки, используют разные стратегии совладания со стрессом [25]. По-видимому, более высокий уровень образования, знания о человеческих ре-

сурсах, высокая поисковая активность позволяют им совладать с трудными жизненными ситуациями.

Вместе с тем важно отметить, что все исследования по психологическому здоровью психотерапевтов и роли семьи в выборе ими профессии имеют недостатки, так как практически не сравниваются с данными популяционной нормы [18]. Согласно Orlinsky, Howard [28], личностные характеристики психотерапевта, связанные с описанным в [10] компонентом эмоциональной привязанности, оказывают влияние на природу межличностных взаимоотношений у будущего психотерапевта. Dunkle, Friedlander [16], полемизируя с Orlinsky, Howard, считают, что для установления адекватных профессиональных задач необходимы технические навыки, но личностные характеристики будущего психотерапевта оказывают влияние на его клиентов, и поэтому необходимо осмысление этих свойств, понимание того, как психотерапевт ими может воспользоваться [16]. Например, Pope, Tabachnick сообщают о том, что 61% их выборки психотерапевтов, по крайней мере, однажды находились в состоянии клинической депрессии [27]. Показывая взаимосвязь систем, непосредственно оказывающих влияние на клиническую практику, Д. Фримен обособливает собственную семью психотерапевта (в том числе и родительскую) [9].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Данное исследование поставило некоторые вопросы о влиянии событий, происшедших в жизни будущего психотерапевта, на выбор специализации в психотерапии. Жизненные события, отношения к матери и отцу, отношения между родителями оказали влияние на формирование личностных особенностей и способствовали в определенной степени выбору специализации в психотерапии. Исследование показало, что будущие психоаналитики более независимы, чем будущие семейные психотерапевты, последние же чаще склонны к лидерству. Позитивная оценка личностных характеристик отца в группе ИП почти в три раза превышает позитивные оценки матери и также почти в два раза оценки, данные группой ИПП своим отцам. Респонденты обеих групп дают более высокие положительные оценки эмоциональности отцов по сравнению с матерями. Представители группы ИПП в оценках эмоциональных характеристик отцов и матерей часто рассказывают о событиях, которые могут быть отнесены к эмоциональным и физическим травмам. В семьях группы ИПП (т.е. в группе будущих семейных психотерапевтов) семейные конфликты и особые события происходили чаще, чем в семьях группы ИП.

Таким образом, полученные данные указывают на необходимость дополнительных исследова-

ний взаимосвязи выбора специализации в психотерапии с жизненными событиями в родительской семье будущего психотерапевта. Особенно важно исследовать эту взаимосвязь еще и потому, что личностные особенности будущих психотерапевтов формируется в семье и от нее зависит, насколько они будут обладать хорошим душевным здоровьем и успешно разрешать собственные проблемы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Власова Т.В. Личностный рост психолога: от эмпирии к онтологии вины // Московский психотерапевтический журн. 1999. № 1. С. 87–96.
2. Декер-Фойгт Г. Введение в музыкотерапию. СПб.: Питер, 2003.
3. Колпачников В.В. Общее введение в индивидуальное психологическое консультирование // Вопросы психологии. 1998. № 6. С. 35–39.
4. Матвеева Л.Г. Личность эффективного специалиста и подготовка клинических психологов // Ежегодник Российского психологического общества: Мат-лы III Всероссийского съезда психологов. СПб., 2003. Т. 5. С. 325–328.
5. Миллер А. Драма одаренного ребенка и поиск собственного Я. М.: Академический проект, 2003.
6. Никулина Т.П. Франсуаза Дольто: происхождение психоаналитика и его путь // Семейная психология и семейная терапия. 1999. № 3. С. 99–109.
7. Осницкий А.К. Проблемы исследования субъектной активности // Вопросы психологии. 1996. № 1. С. 5–19.
8. Попова Т.А. Влияние профессиональных предпочтений на развитие индивидуальности // Ежегодник Российского психологического общества: Мат-лы III Всероссийского съезда психологов. СПб., 2003. Т. 6. С. 401–404.
9. Фримен Д. Техники семейной психотерапии. СПб.: Питер, 2001.
10. Bordin E. S. The generalizability of the psychodynamic concept of the working alliance // Psychotherapy: Theory, Research, and Practice. 1979. V. 16. P. 252–260.
11. Braverman S. Family of origin as a training resource for family therapists // Can. J. Psychiatry. 1982. V. 27. № 8. P. 629–33.
12. Clark J. Z. Narcissism // Professional Psychology: Research and Practice. 1991 V. 22. № 2. P. 141–143.
13. Coan R. W. Psychologists: Personal and theoretical pathways. New York: Irvington Press, 1979.
14. Coster J.S., Schwebel M. Well-Functioning in Professional Psychologists // Professional Psychology: Research and Practice. 1997. V. 28. № 1. P. 5–13.
15. Crouch M. Working with one's own family: another path for professional development // Fam. Med. 1986. V. 18. № 2. P. 93–8.
16. Dunkle J.H., Friedlander M.L. Contribution of Therapist Experience and Personal Characteristics to the Working Alliance // J. of Counseling Psychology. 1996. V. 43. № 4. P. 456–460.
17. Eagle M.N. Reflections of a psychoanalytic therapist // Eds. Goldfried M.R. How therapists change: Personal and professional reflections. Washington: American Psychological Association, 2001. P. 37–53.
18. Elliott D.M., Guy J.D. Mental health professionals versus non-mental-health professionals: childhood trauma and adult functioning // Professional Psychology: Research and Practice. 1993. V. 24. № 1. P. 83–90.
19. Erskine R. The Psychotherapist's Myths, Dreams, and Realities // 2nd World Congress for Psychotherapy. Vienna, 1999. <http://www.integrativetherapy.com/article-myths.html>
20. Follette V.M., Polusny M.M., Milbeck K. Mental Health and Law Enforcement Professionals Trauma History, Psychological Symptoms, and Impact of Providing Services to Child Sexual Abuse Survivors // Professional Psychology: Research and Practice. 1994. V. 25. № 3. P. 275–282.
21. Guy J.D., Poelstra P., Stark M. Personal distress and therapeutic effectiveness: national survey of psychologists practicing psychotherapy // Professional Psychology: Research and Practice. 1989. V. 20. № 1. P. 48–50.
22. Johnson M.E., Campbell J.L., Masters M.A. Relationship between family-of-origin dynamics and a psychologist's theoretical orientation // Professional Psychology: Research and Practice. 1992. V. 23. № 2. P. 119–122.
23. McDaniel S.H., Landau-Stanton J. Family-of-origin work and family therapy skills training: both-and // Family Process. 1991. V. 30. № 4. P. 459–471.
24. Norcross J.C., Prochaska J.O. Clinicians' theoretical orientations; selection, utilization, and efficacy. // Professional Psychology: Research and Practice. 1983. V. 14. № 2. P. 197–208.
25. Norcross J.C., Prochaska J.O., DiClemente C.C. Self-change of psychological distress: laypersons' versus psychologists' coping strategies // J. Clinical Psychology. 1986. V. 42. P. 834–840.
26. Pope K.S., Feldman-Summers S. National survey of psychologists' sexual and physical abuse history and their evaluation of training and competence in these areas // Professional Psychology: Research and Practice. 1992. V. 23. P. 353–361.
27. Pope K.S., Tabachnick B.G. Therapists as patients: A national survey of psychologists' experiences, problems, and beliefs // Professional Psychology: Research and Practice. 1994. V. 25. P. 247–258.
28. Orlinsky D.E. & Howard K.I. Process and outcome in psychotherapy // Handbook of psychotherapy and behavior change Eds. S.L. Garfield & A.E. Bergin. New York: Wiley, 1986. P. 311–381.
29. Racusin G., Abramovitz S., Winter W. Becoming a therapist: family dynamics and career choice // Professional Psychology. 1981. V. 12. P. 271–279.
30. Raskin R.N., Novacek J., Hogan R.T. Narcissism, self-esteem and defensive self-enhancement // J. of Personality. 1991. V. 59. P. 19–38.
31. Sapienza B.G., Bugental J.F.T. Keeping our instruments finely tuned: An existential-humanistic perspective // Professional Psychology: Research & Practice. 2000. V. 31. №. 4. P. 458–460.

32. Tremblay J.M., Herron W.G., Schultz C.L. Relation between therapeutic orientation and personality in psychotherapists // Professional Psychology: Research & Practice. 1986. V. 17. № 2. P. 106–110.

33. Walton D.E. An exploratory study: Personality factors and theoretical orientations of therapists // Psychotherapy: Theory, Research & Practice. 1978. V. 15. № 4. P. 390–395.

LIFE EXPERIENCE AND THE CHOICE OF PSYCHOTHERAPY SPECIALIZATION

A. V. Makhnach

PhD, senior research assistant, Psychological Institute of RAS, Moscow

A brief review of psychotherapist's personality traits is given; the influence of psychotherapist's family of origin events on a choice of specialization is analyzed. It is shown, that such choice is connected with acquires in childhood social skills, personal traits; psychotherapist's to be life events have not only objective importance, but subjective personal sense as well. Differences between attitudes towards family history events as well as towards mother and father in groups of future psychoanalysts and family psychotherapists are revealed.

Key words: psychotherapy, family of origin, life events, specialization in psychotherapy, psychotherapist's personality.